

Кальной И.И.

УДК 378.1 (045):64; 130.1

**ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Цель статьи: рассмотреть гуманитарное образование и воспитание как проблему современного общества переходного периода.

Задачи: исследовать статус гуманитарного образования в обществе; установить субъект гуманитарного образования, рассмотреть его потенциал.

Чтобы определить статус гуманитарного образования и воспитания, следует провести сравнительный анализ возможностей естественных и гуманитарных наук. Естественные науки изучают мир в многообразии его проявления в поисках ответа на вопросы «что есть что». Что касается гуманитарных наук, то они не только ориентированы на познание человека о мире. Просвещая, образовывая и создавая личность, гуманитарные науки делают человека – челом своего века. Средствами культуры и цивилизации они обеспечивают человеку возможность познать мир и познать себя, определив оптимальное отношение к миру на уровне личности конкретного общества.

В отличие от природы общество не укоренено в мироздании. Это искусственное образование. Оно соткано из тех общественных отношений, в которые вступают люди в процессе своей жизнедеятельности. Этот спектр включает всю гамму отношений от политических до религиозных, в том числе правовые, этические, эстетические, научные. Каждое отношение является производным определенной культуры и располагает определенным языком, ибо язык – это душа культуры. А вместе язык, культура и одно из интегральных отношений образуют составляющую духовной сферы жизни общества в отличие от повседневной жизни, где как заметил поэт «летят самолеты, плывут пароходы, дымят фабрики и заводы», осуществляются процессы с ориентиром на определенный результат. При этом качество результата (от хлеба до сапог, включая услуги) определяется, в первую очередь, состоянием духовной жизни общества и уровне развития духовного мира человека. Как тут не вспомнить известную притчу о людях, которые на вопрос «Чем занимаетесь?» отвечали по-разному. Один заявил: «Зарабатываю на хлеб». Другой сквозь зубы процедил: «Кирпичи ношу». А третий вдохновенно сказал: «Храм строю». Не надо напрягать мозги, чтобы сделать вывод о мере ответственного отношения каждого исполнителя к конкретному виду трудовой деятельности.

На уровне личности человек адаптирует нормы жизни общества, определяет свою меру их освоения. И вот здесь, где человек заявляет о том, что он есть мера вещей и обстоятельств, скрывается подлинная проблема гуманитарного образования и воспитания. В одном и том же обществе одни люди заявляют о себе через созидание, демонстрируя высшую степень ответственности за себя и тех, кто рядом с ними, ориентируясь на принцип «даже праведную цель нельзя творить неправедными средствами». Другие рассматривают мир и окружающих их людей в качестве средства решения своих вопросов, удовлетворения своих потребностей, причем не только естественных, но и противоестественных.

Одни люди с помощью гуманитарного образования и воспитания формируют духовный мир своей человечности, а другие – пребывают в состоянии бездуховности и даже не комплексуют по этому поводу. Можно знать хорошо физику и химию, биологию и зоологию, можно владеть математикой и прослыть интеллектуалом, одновременно демонстрируя бездуховность в форме равнодушия и безответственности. И как тут не вспомнить мудрое изречение о том, что не стоит бояться врагов и предателей, но следует опасаться равнодушия окружающих людей, ибо по безмолвному согласию равнодушных на земле творятся и предательства, и убийства.

Таким образом, для того, чтобы состояться челом своего века, быть «солью земли Отечества», надо стать Человеком с большой буквы, обрести тот уровень духовного мира, который создается не усилиями естественных наук, а, в первую очередь, средствами гуманитарного образования и гуманитарного воспитания. Образование апеллирует к наработанному опыту, к общечеловеческим ценностям, а воспитание через героическое в культуре формирует общественные идеалы подражания, а вместе они прививают ту **человечность**, без которой человек все что угодно, но не человек. Леонардо да Винчи, размышляя о своем времени, грустно констатировал факт того, что «мало человек в этом мире и много тех, кто проходит по реестру наполнителей нужников».

Следует отметить и то, что и гуманитарное образование, и гуманитарное воспитание имеют собственный проблемный характер. Они несут на себе печать исторической ограниченности, специфики объективных условий и субъективного фактора конкретного общества. Более того, всегда существует вероятность перекоса в соотношении формы и содержания, когда в условиях торжества цивилизации форма (техники и технологии) теснит содержание подлинной культуры. К этому следует добавить и разные уровни субъектов гуманитарного образования и воспитания, способности или неспособности, желания или нежелания учителя и воспитателя быть на высоте своего предназначения. Учитель должен быть образованным, а Воспитатель – воспитанным. Но в реальной жизни всякое бывает.

Решение отмеченных проблем возможно, но только в плоскости решения более общей проблемы – проблемы интеллигенции, которая не без основания претендует на статус духовного наставника общества, его интеллектуального поводыря, заявляя о себе в качестве субъекта гуманитарного образования и гуманитарного воспитания. Но при этом, феномен интеллигенции сохраняет свою неопределенность.

Является ли интеллигенция реальным ресурсом модернизации общества или это продукт ее собственного воображения? По каким параметрам интеллигент отличается от интеллектуала? Интеллигенция представляет собой интеллектуальную элиту или интеллектуальное меньшинство? Почему интеллигенция идеологизирует коллизии общества, но когда дело доходит до их разрешения, оказывается в состоянии своей не востребованности?

Чтобы ответить на эти вопросы следует заглянуть в историю проблемы. В 1909 г. вышел в свет сборник «Вехи», где «великолепная семерка мудрецов» Бердяев, Булгаков и другие составили свое представление о феномене интеллигенции, обосновав стратегию и тактику интеллигенции в условиях начала XX века.

Н.А. Бердяев решает проблему философской истины и интеллигентской правды; С. Булгаков рассматривает «героизм и подвижничество»; М. Гершензон исследует творческое самосознание; Б. Кистяковский выступает в защиту права; П. Струве поднимает вопрос о взаимосвязи интеллигенции и революции; С.Л. Франк исследует этику нигилизма, А. Изгоев – феномен интеллигентной молодежи [1].

Сборник «Вехи» вызвал поток эмоциональных публикаций, который условно можно разделить на критику и апологетику идей, ориентированных на необходимость радикального обновления России. И представители критики, и представители апологии опирались на свое представление о феномене «интеллигенция», искали и отстаивали свою правду, не прилагая особых усилий для того, чтобы исследовать сущность интеллигенции, определить ее понятие и обрести единое основание для исследовательской практики, даже если она осуществляется в разных дискурсах.

Новые реалии конца XX и начала XXI века существенно актуализировали вопрос выбора дальнейшего пути развития. Он стал своеобразным тестом для политических режимов постсоветского пространства. В 1997 г. состоялась конференция «Роль русской интеллигенции в формировании картины мира», итогом которой стал еще один сборник статей [3], в котором представители разных дискурсов исследуют истоки интеллигенции, рассматривают ее роль в прошлом и настоящем; раскрывают взаимоотношения интеллигенции с государством и народом.

Исследовательская практика различных дискурсов предложила целую палитру размышления о том, что такое интеллигенция, каков ее потенциал и насколько интеллигенции посильна задача решения заявленной проблемы в условиях транзитивного общества, где исторические вызовы ждут своих достойных ответов. При этом, как правило, оставался открытым вопрос о дееспособности интеллигенции в условиях, где население не питает к интеллигенции особой симпатии. Люди не верят тем, кто рядится под интеллигенцию, кто освоил искусство думать одно, говорить другое, а делать третье; кто потерял способность к терпению и терпимости в условиях транзитивного общества. Предстоит длительный путь становления подлинной интеллигенции, которая ориентированна не на выживаемость любой ценой, а на осуществление Нравственного закона мироздания, апеллирующего не к долгу, а к совести.

Анализируя накопленный опыт, можно сделать вывод о том, что исследовательская практика столкнулась с феноменом, о котором уже сложились различные представления при отсутствии устойчивого понятия с претензией на определенность, обусловленность и целостность образа сущности интеллигенции.

Трансформация термина «интеллигенция» в понятие сопряжена с определенными трудностями преодоления противоречия между представлением и понятием, которое усугубляется различиями дискурсов исследовательской практики.

Термин «интеллигенция» имеет латинское происхождение от *intelligens* (понимающий, мыслящий). В свое время классик немецкой философии Георг Гегель определил философию как эпоху, схваченную в мысли. Он подметил, что каждая эпоха отличается от прошлых эпох уровнем развития мысли, способностью генерировать идеи, облекать их в термины с последующей трансформацией в понятие. В процессе дрейфа от термина к понятию, мысль демонстрирует свое богатство и возможности его формализации в абстрактном образе одной из форм рационального (логического) освоения мира.

Нечто подобное произошло и с термином интеллигенция. Обозначая понимающего и мыслящего индивида, интеллигенция обретает свои синонимы в лице интеллектуального и культурного человека. По мере становления общества, его культуры и цивилизации, продолжается поиск определения интеллигенции, ее места и роли в обществе.

Термин «интеллигенция» вошел в публицистику в 60-е гг. XIX века. Представление о ней было своеобразным тестом коллективной совести и просветительства с ориентиром на критику социальных пороков, а также на статус оппозиции по отношению к власти. Первоначальная заявка о том, что интеллигенция является российским феноменом, не выдерживает критики, ибо западноевропейская мысль также внесла свой вклад в осмысление этого явления.

Продолжая традиции немецкой классической философии, английский мыслитель Арнольд Тойнби определяет интеллигенцию как интеллектуальное меньшинство, которое способно (обязано) находить и давать достойные ответы историческим вызовам, генерировать идеи, обеспечивающие разрешение очередной проблемы общества и выводящее общество в новое качество, на более высокий уровень его развития [См.: 6, с. 106–113, 258–261, 283–284].

Попытку классифицировать интеллектуальное меньшинство предпринимает польский социолог Ян Щепаньский:

- по роли в создании и защите общечеловеческих ценностей;
- по генерации и трансляции идей апологетики или критики существующего общественного порядка;
- по вкладу в развитие культуры и совершенствование цивилизации [См.: 7, с. 236].

В одной из своих последних работ «Как я понимаю философию», отечественный философ Мираб Константинович Мамардашвили обосновывает тезис о том, что интеллигенция составляет определенный слой

людей **любого** общества (выделил – И.К.), которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей [См.: 4, с.334–336].

Кроме того, интеллигенцию зачастую определяют как специфический субъект духовного производства, социальная природа которого зависит от его роли в общественной организации труда [См.: 5, с. 65], а также – в качестве духовного наставника общества, Учителя жизни [См.: 1, с. 9–199].

Опираясь на эти и другие авторитетные источники можно сделать несколько выводов.

Во-первых, интеллигенция не является целостным образованием общества. Каждая социальная группа общества создает условия формирования собственной интеллигенции. Чем сложнее социальная структура общества, тем разнообразнее интеллигенция этого общества, тем актуальнее проблемная ситуация этого общества. Примером тому, практически, может служить любое общество политического и этнического плюрализма, конфессионального многообразия и социального разнообразия.

Во-вторых, интеллигенция является неотъемлемым элементом любого общества, ориентированного на развитие. Она выступает душой культуры общества, его духовным наставником.

В-третьих, можно искать и находить специфику национальной интеллигенции, но вряд ли уместно этот феномен объявлять исключительно русским явлением.

В-четвертых, вероятно есть смысл искать различие между интеллигенцией и интеллектуалами. Этот поиск можно развернуть через оппозицию «мораль – нравственность», «долг и совесть». Хотя есть и другие основания такого деления. Термин «интеллектуал» вошел в словарь французского языка в 90-е гг. XIX века. Интеллектуал определялся через меру профессионализма. Он обеспечивает процесс производства идей и их осуществление в технике и технологиях цивилизации. Интеллектуал непосредственно задействован в одной из сфер системы общественного производства. Он обслуживает общество, обеспечивает его управление через рынок спроса и предложений специалистов определенной подготовки. Как правило, интеллектуал воспроизводится средствами естественнонаучного и специального образования.

В-пятых, интеллигенция не имеет прямого отношения к собственности на средства производства, что создает для нее определенные трудности, а подчас и угрозу ангажированности. Любая форма ангажированности создает условия трансформации интеллигенции в свою противоположность. Она утрачивает свое содержание, свою идентичность, свою свободу. С другой стороны, отсутствие прямого отношения к средствам производства делает интеллигенцию представителем наиболее общих интересов общества. Ее ценностные ориентиры являются производными от общечеловеческих ценностей, а ее поведение – это «ежедневное и ежечасное несение подвига» ради общечеловеческого благоденствия (А.Ф. Лосев).

В целом интеллигенция – это реальный ресурс модернизации общества, его духовный наставник, интеллектуальный поводырь, интеллектуальное меньшинство, но не интеллектуальная элита.

Интеллектуал, как правило, обслуживает. Как слуга формулы «товар – деньги – капитал», интеллектуал способен найти компромисс с любой властью. Как носитель знания (информации), он ориентируется на рынок спроса и предложений. Он субъект коммуникации, где отношения выстраиваются в системе «субъект – объект», где «другой» выступает объектом интереса, а стало быть, и возможным объектом манипулирования.

Что касается интеллигента, то он служит, опираясь на совесть и повеление нравственного Закона. Если интеллектуалы – это определенный социальный слой общества с ориентиром на принцип «расчетливости», то интеллигенция – является специфическим социальным явлением с ориентиром на осуществление подвига. Поэтому нормой отношений интеллигента с окружающей средой является общение, а не коммуникация.

Общение ориентированно на достижение той общности активно и свободно действующих субъектов сознания и самосознания, когда их совокупными усилиями осуществляется процесс приумножения знания о проблемной ситуации и обеспечивается оптимальный путь ее решения. Каждый партнер общения сохраняет свою неповторимую индивидуальность и веру в «другого». Преодолевая ограниченность личного опыта, каждый участник диалога формирует оптимальную психологическую установку на осуществление определенного вида деятельности. Общение больше чем определенная сумма знаний и навыков. Оно предполагает способность отдавать себя, чтобы обрести подлинного себя с ориентиром на самоосуществление. Общение требует освоение диалога культуры и языка, взгляда и улыбки. Оно ориентировано на освоение и усвоение таких принципов как компромисс и толерантность, справедливость и солидарность. Наконец, общение предполагает согласование интересов и оформление того гражданского согласия, которое начинается на уровне познания и самопознания, а завершается на уровне аксиологической интерпретации той проблемной ситуации, которая является общей проблемой для партнеров общения. Поскольку общение является частным и особым случаем коммуникации, то интеллигентны – это всего лишь незначительное вкрапление в среде интеллектуалов.

Для носителей интеллигенции характерны: вечное удивление и сомнение; анализ и самоанализ; размышление о мире и о своем отношении к миру; глубокое чувство сострадания и милосердия; тяга к солидарности и справедливости; вопрошание что делать, чтобы сохранить честь и совесть, не разменяв долг служения на прислуживание, сохранив уважительное отношение к инакомыслию.

Интеллигент – это всегда претензия на эталон. Это, как правило, Просветитель с ориентиром на обретение истины, которая делает человека свободным. Интеллигент – это связующее звено исторического и социального времени. Как особый посредник между будущим и прошлым интеллигент находится на дистанции с настоящим временем, выступает критиком (оппонентом) сегодняшнего дня. Вероятно, этим объясняется невостребованность интеллигенции практически во всех сферах управления, которые тяготят к консерватизму и демонстрируют конъюнктуру с ориентиром на осуществление принципа «здесь и сейчас».

Такие качества интеллигента как честность, порядочность и принципиальность обусловлены не столько моралью общества, сколько нравственной ответственностью человека в обществе, которая складывается в процессе воспитания и, в первую очередь, гуманитарного образования через приобщение к наработанному историческому опыту. Основу этого опыта составляют общечеловеческие ценности.

То, что может себе позволить чиновник, работник торговли или человек из сферы обслуживания, не может позволить интеллигент. Принадлежность к интеллигенции всякий раз напоминает о себе формулой «Положение обязывает». Кодекс чести и совести, порядочности и принципиальности составляют своеобразный иммунитет против человеческих слабостей и пороков. Этот иммунитет создает условия превращения определенной части интеллектуалов в интеллигенцию. Он существенно приумножает ее ряды, а также ее возможность претендовать на статус эталона нравственности и духовной культуры, выступать генератором идей как базового основания поиска ответа общества на очередной исторический вызов.

Но все это из области возможного, которое отягощено реалиями современности. Чтобы понять драматизм сложившейся ситуации, уместно озвучить некоторые выводы П. И. Новгородцева. Он сделал их в сборнике статей «Из глубины», спустя 10 лет после выхода в свет нашумевших «Вех». По сути это вопросы, которые интеллигенция поставила себе на пороге XX века и на которые до сих пор не нашла вразумительных ответов.

- Не есть ли наше уныние и растерянность, утомление и безверие не только реакцией на неудачу революции, но и формой пробудившегося сознания ответственности, а в какой-то мере и вины, за то, что случилось?
- Не слишком ли много сил мы отдаем борьбе «против», и не слишком ли мало – борьбе «за»?
- Возможно, цель интеллигенции состоит, прежде всего, в желании, быть с народом, разделять с ним его судьбу, а не в том, чтобы, превратившись в секту, готовить наступление тысячелетнего «счастья народа»?
- Не является ли сегодня главной задачей сохранение традиций, дабы не допустить «скачков в истории», чреватых кровью, разорением культуры и душевным опустошением?
- Не следует ли признать, что для того чтобы сдвинуть страну с мертвой точки, нужны годы упорной работы, а не радикальные сиюминутные преобразования ради самих преобразований? [См.: 2, с. 424–442]

Эти вопросы сохраняют свою актуальную значимость и сегодня, в условиях реалий третьего тысячелетия. Общество глобализирующегося мира еще не обрело устойчивой шкалы ценностных ориентиров, не освоило способность разрешать глобальные проблемы и обеспечивать свою перспективу. Трудно представить объем и содержание негативных последствий, если новая система координат развития общества не найдет в себе творческих сил для вступления на путь оптимального государственного строительства и социального обустройства. Но еще более тяжким и не поправимым может стать решение интеллигенции, что ей нечего пересматривать и нечего менять в себе и в своем отношении к миру, сохраняя за собой статус «лишнего человека». [См.: 2, с. 424–442] Такое решение может существенно усугубляться процессом трансформации интеллигенции в интеллектуалов в обществе переходного периода. В транзитивном обществе население не столько живет, сколько борется за выживаемость, используя любые средства вплоть до выбора девиантного поведения, где реальностью является феномен «бомжа» или «бича»; где о своей бытийности заявляют демографический «крест», массовая детская беспризорность и стремительное омоложение преступного мира.

Общество переходного периода в своем развитии проходит три этапа: разрушение, поиск дееспособной идеи выхода из тупика и осуществление этой идеи, как достойного ответа на исторический вызов. В этом процессе интеллигенция может и должна занять свое место, выполнив свое предназначение, заявив о своей претензии на власть авторитета.

Интеллигенция обеспечивает «точку необратимости» на первом этапе, поиск идеи достойного ответа историческому вызову – на втором, и осуществление этой идеи – на третьем этапе. Такое участие интеллигенции в обустройстве общества позволяет преодолеть кризисную ситуацию и обрести новые условия для его дальнейшего развития, включив механизм конверсии интеллектуалов в интеллигенцию. Но поскольку интеллигенция родом из прошлого, плоть от плоти своего общества, то ее идеи– проекты могут оказаться и прожектами. Все это лишний раз подчеркивает непростую судьбу интеллигенции с претензией на первоходца и далеко не простую судьбу гуманитарного образования и воспитания.

Рассмотрение заявленных вопросов позволяет сделать вывод о том, что интеллигенция по своей сути есть не только субъект будущего в настоящем, но и субъект гуманитарного образования и воспитания. Прививая человечность, она помогает людям решать проблему самопознания и оптимального отношения к миру. Воспроизводя себя, приумножая себя, она может обеспечить достойный ответ очередному историческому вызову [8, с. 3–266].

Источники и литература

1. Вехи. Интеллигенция в России // Сб. статей. – М., 1991
2. Вехи. Из глубины. – М., 1991: Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993. – 336 с.
3. Русская интеллигенция. История и судьба. – М., Наука, 2001
4. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М., Прогресс, 1992. – 414с.
5. Сверчкова Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ. – Л., ЛГУ, 1988. – 217 с.
6. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., Прогресс, 1991. – 736 с.
7. Szczepanski I. Die intelligens in der gegenwertigen Desellshaft. – Frankfurt/ M., 1966. – 236 s.
8. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Т.21 (60) №3. Философия. Социология. – Симферополь, 2008. – 276 с.